

И. В. Леонов
И. В. Кириллов

УДК 008.001.14
<https://orcid.org/0000-0003-0026-3807>
<https://orcid.org/0000-0003-3401-1798>

«Страдание» как форма бытования артефактов

Для цитирования: Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдание» как форма бытования артефактов // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 1 (112). С. 198-105. DOI 10.20323/1813-145X-2020-1-112-196-203

В статье, первая часть которой вышла в предыдущем номере «Ярославского педагогического вестника», продолжается обзор проблемы «страдающих» артефактов историко-культурного наследия. Проводится анализ таких форм «страдания» памятников, как их «разделение» и «расчленение»; «травмирование» в результате вооруженных конфликтов (такие артефакты отличаются особой степенью воздействия на человека); превращение памятников в «свидетелей» страданий человека; вандализм; символическое страдание; неорганические изменения формы и смысловой ауры памятников, авторская порча (и ее частная разновидность – ситуации, когда автор приговорил свое произведение к уничтожению, но приговор не был приведен в исполнение). Отдельно рассматриваются биографии памятников культуры (отечественных и иностранных), содержащие различные формы «страданий». Обозначается сопряженность изучаемой проблематики с особой группой памятников, которые относятся к разряду «многослойных». Постулируется ценность «патины времени», в которой каждый слой может иметь свое значение, а также то, что во многих случаях некорректно сведение истории артефакта к одному состоянию – изначальному, «эталонному» либо «пиковому». В связи с этим ставится вопрос о необходимости применения индивидуального подхода к памятникам, в том числе при проведении реставрационных работ. Указаны разрабатываемые российскими культурологами специальные теоретико-методологические подходы, которые необходимо применять при работе с «многослойными» памятниками. Поднимается вопрос о проявлении психоэмоциональной и чувственной составляющих в восприятии артефактов как «страдающих» на уровне массовой аудитории, а также в деятельности экспертных сообществ. Затрагивается проблема практической значимости ценностно-смысловой актуализации, «обогащения» памятников историко-культурного наследия через раскрытие их исторических преобразований, в том числе через акцент на их «страдания», включая памятники, которые содержат следы воздействия военного времени.

Ключевые слова: артефакт, «страдающий» артефакт, памятник, культурное наследие, архетип, воображаемое, перемещенные памятники, «болезни» памятников, многослойный артефакт, реставрация.

I. V. Leonov, I. V. Kirillov

«Suffering» as a form of existing of artifacts

The article, the first part of which was published in the previous issue of Yaroslavl Pedagogical Bulletin, continues the review of the problem of «suffering» artifacts of historical-cultural heritage. The analysis is carried out of such forms of «suffering» monuments as their «separation» and «dismemberment»; «trauma» as a result of armed conflicts (such artifacts have a special degree of impact on humans); transformation of monuments into «witnesses» of human suffering; vandalism; symbolic suffering; inorganic changes of the form and semantic aura of the monuments and author's damage (and its private version – a situation where the author «sentenced» his work to destruction, but the sentence was not carried out). Separately are considered biographies of cultural monuments (Russian and foreign) containing various forms of «suffering». The conjugation of the studied problem with a special group of monuments that belong to the category of «multi-layered» is denoted. The value of the «patina of time» is postulated, in which each layer can have its own value, as well as the fact that in many cases it is incorrect to reduce the artifact's history to one state – initial, «reference» or «peak»; in this regard, the question is raised of the need for an individual approach to the monuments, including during restoration work. Specific theoretical and methodological approaches developed by Russian culturologists are indicated that need to be applied when working with «multilayered» monuments. The question is raised about the manifestation of the psycho-emotional and sensuous component in the perception of artifacts as «suffering» at the level of mass audience, as well as in the activities of expert communities. The problem of the practical significance of the value-semantic updating, «enrichment» of many monuments of historical and cultural heritage through the disclosure of their historical transformations, including emphasis on their «sufferings», as well as the monuments that contain traces of the impact of wartime.

Keywords: artifact, «suffering» artifact, monument, cultural heritage, archetype, imaginary, displaced monuments, «diseases» of the monuments, «multi-layered» artifact, restoration.

Мир памятников культуры весьма сложен и многообразен. Среди различных артефактов историко-культурного наследия выделяется особая группа памятников, которые человек фиксирует на основании того, что их биографии содержат моменты и следы «страданий». Отмеченный фактор восприятия объектов историко-культурного наследия тесно связан с психоэмоциональной и чувственной сферой человека, переживающего реальность артефактов в своем воображении. Наличие страданий, несомненно, актуализирует памятник и придает ему значимость; будучи «страдающим», памятник становится особенно интересным, привлекающим внимание и популярным.

Существуют различные формы страданий, которым могут быть подвержены историко-культурные артефакты; часть из данных форм была рассмотрена в предыдущей статье, – к таковым относятся их балансирование между «жизнью» и «смертью», «болезни», предание забвению, перемещение и отделение от своего «месторазвития».

Достаточно яркую группу страдающих артефактов представляют их «разделенные» и «расчлененные» версии. Разделенным памятник становится, если нарушена его ансамблевая целостность (под ансамблевой целостностью понимается положение, когда артефакты, имеющие самостоятельное «звучание», создаются для того, чтобы взаимодействовать и дополнять друг друга в едином «аккорде» своих проявлений). Например, вещь из сервиза может быть хороша сама по себе, однако ее предназначение, в первую очередь, выражено через единство всех предметов. Неполный ансамбль или сервиз «скучает» по своим составляющим, как и последние без него. В ходе истории составляющие целого могут разъединяться, навсегда утрачиваться, а могут и соединяться вновь, образуя драматургию истории сложного артефакта.

В свою очередь, «расчлененные» артефакты страдают от нарушения органики всего памятника, буквально разрезаемого на части. Причем сам факт страдания во многом связан с характером разрезов, то есть зависит от того, как проведена «операция по расчленению». Если «ампутированные» части в некоторой мере обладают вещественной самостоятельностью, имеют завершенную форму и определенную ценностно-смысловую нагрузку, то расчленение может быть не замечено. Данная тенденция особенно ярко проявляет себя в

скульптуре, где неполное изображение человеческого тела строится на принципе органического отсекновения не интересующих скульптора частей. Однако если артефакт разделен на части неорганично его морфологии, то налицо факт расчленения с возможностью фиксации максимальной степени страдания. При этом историко-контекстуальные обстоятельства и мотивы того, кто расчленял памятник, начинают играть ведущую роль в определении самого факта и степени страданий. Показательно, что Ника Самофракийская, обнаруженная в 1863 г. без головы, от ее отсутствия в глазах современников не страдает, а наоборот, обретает некую притягательность и эстетическую завершенность. О. Шпенглер писал: «Зеленая бронза, почерневший мрамор, отбитые члены <...> Зададимся вопросом, одинаковый ли эффект произвел бы на нас стоящий перед нами в искрящейся бронзе Дорифор Поликлета с эмалевыми глазами и позолоченными волосами или тот же Дорифор, но почерневший от древности; не лишился ли бы ватиканский торс Геракла своей мощной впечатлительности, доведись нам однажды найти его недостающие члены; не утратили ли бы башни и купола наших старинных городов своей глубокой метафизической прелести, если бы их покрыли новой медью? <...> Потемнение старых картин придает в нашем ощущении большую ценность их содержанию» [20, с. 431].

Отдельного внимания в рассматриваемой группе заслуживает пищаль «Инрог». Это орудие было отлито в 1577 г. знаменитым мастером Антоном Чоховым, который специализировался на изготовлении тяжелых орудий (создал, помимо прочего, Царь-пушку). «На казенной части ствола отлита надпись: “Божию милостию повелением государя царя великого князя Ивана Васильевича всея Руси зделана сия пищаль Инрог в лета 7085. Делал Ондрей Чохов”. На торели имеется литое изображение единорога и надпись “Инрог”. Калибр пищали – 216 мм, длина – 5160 мм, вес – 7434,6 кг.» [19, с. 122]. В 1634 г. во время Смоленской войны «Инрог» в качестве трофея достался полякам. Впоследствии это орудие захватили шведы. В 1723 г. ствол «Инрога» вернулся в Россию – поврежденным, распиленным на три части. По приказу Петра I ствол был спаян. Ныне «Инрог» находится в петербургском Военно-историческом музее артиллерии. На орудии явно видны рубцы, оставленные триста лет назад [10, с. 59; 4, с. 98].

Другим примером является картина С. Ф. Щедрина, которая находится в Малиновом кабинете Павловского дворца. Когда-то эта картина была разделена на два самостоятельных пейзажа («Вид на Павловский дворец» и «Вид на Мариентальский пруд»). Спустя время они были расположены рядом, и лишь «шрам» напоминает о разлуке данных частей одного произведения.

Следующую группу страдающих артефактов составляют памятники, *несущие на себе следы войн и вооруженных конфликтов*. Меняя материальную компоненту памятников, а также отражаясь на их нематериальной стороне, военные «шрамы» отличаются особой степенью воздействия на человека, пробуждая глубинные пласты его психоэмоциональной сферы. Памятник, несущий на себе след войны, соприкоснувшийся с ней, переживший ее, является не только носителем памяти или свидетелем эпохи, – он сам может предстать как участник ушедших событий, который вынес войну вместе с народом и пострадал вместе с ним. Раненый артефакт, искалеченный осколками, обгоревший, подвергшийся разграблению и вандализму, обладает колоссальным авторитетом в глазах потомков – как субъект ушедших событий, а не как их пассивный оттиск.

След войны как свидетельство событий и носитель смыслов может иметь мощное сакральное значение, поскольку он способен выступать как средство сохранения и актуализации памяти о войне [2, с. 81]. В этом плане показательны размещенные в Санкт-Петербурге на нескольких поврежденных осколками памятниках (Исаакиевский собор, Спас-на-Крови, Аничков мост) таблички с надписью «Это следы одного из 148 478 снарядов выпущенных фашистами по Ленинграду в 1941-44 гг.». Подобные памятные знаки есть и в других городах России. Например, следы уличных боев отчетливо видны на здании Центрального районного суда города Волгограда, а находящаяся на здании мемориальная доска содержит подробные сведения об этих боях.

В послевоенные годы, когда происходила реставрация и воссоздавались многие шедевры культурного наследия нашей страны, люди «стирали» большую часть следов войны как страшное напоминание о недавних событиях. Лишь немногие места были обозначены мемориальными табличками. Однако в настоящее время, когда военные разрушения в большей степени устранены, встает вопрос фиксации, установления подлинности и пополнения мест памяти, рассказывающих о военном времени. Так, в Санкт-Петербурге и не-

которых других городах России до сих пор сохраняются следы войны, причем по большей части стихийно. На многих домах, площадях и набережных города на Неве можно встретить следы осколков от разорвавшихся вражеских бомб и снарядов, которые в настоящее время устраняются в ходе плановых ремонтов, при отсутствии понимания, что именно устраняется, что это за следы. Уместно поднять вопрос о том, чтобы существенно расширить количество мест памяти о войне на официальном уровне, пополнить ряд существующих официальных памятных мест – разумеется, после соответствующих исследований, документальных подтверждений и экспертных оценок происхождения тех или иных следов.

Еще одним примером артефакта, отражающего на себе следы войны, является елочная игрушка, которую представили 27 февраля 2014 г. на вечере из цикла «Вокруг коллекции» в Историко-литературном музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, где звучали воспоминания о блокаде Ленинграда. Игрушка в форме грибочка из папье-маше была надкушена ребенком в блокадном Ленинграде, о чем свидетельствует след под шляпкой. В результате отсутствие на игрушке небольшого фрагмента превратилось в свидетельство жуткой блокадной зимы, страданий целого города и ребенка, который очень хотел есть.

Рассматриваемые артефакты не всегда содержат буквальное «шрамы», они могут иметь нематериальное выражение и отражаться исключительно на уровне «смысловой ауры», впитавшей определенный опыт и события. Так, многие личные вещи заключенных фашистских концлагерей, не имея следов явных материальных повреждений, оказывают колоссальное воздействие на воспринимающих, пробуждая целый пласт образов и информации о том, какие ужасы творились в немецких застенках. Детский ботиночек, найденный на складе концлагеря Майданек, где хранились вещи уничтоженных узников [5], выставленный в настоящее время в Военно-медицинском музее (г. Санкт-Петербург), оказывает настолько сильное воздействие, что описать его словами в формате научной статьи крайне трудно. То же самое можно сказать и про многие экспонаты Музея обороны и блокады Ленинграда – 125-граммовый кусочек черного хлеба, элементы обстановки типичной ленинградской квартиры того периода (самовар, вышитую салфетку и т. д.), покрытые фосфором «значки-светлячки», с которыми передвигались ленинградцы по темным улицам, и т. п.

Последние примеры связаны с более широкой группой памятников, отражающей не только воздействие войн и других вооруженных конфликтов, – речь о памятниках, которые могут являться «свидетелями страданий человека». Древние церкви итальянской Мессины пережили великое землетрясение 1910 г.; в зданиях, в которых сейчас находятся Санкт-Петербургская духовная академия и юридический факультет СПбГУ, в 1941–45 гг. располагались военные госпитали. Санкт-Петербург на протяжении практически всей истории страдал от наводнений. Исторические здания в центре Санкт-Петербурга помнят великие наводнения 1824 и 1924 гг., когда бурные, «хищные», «разъярённые» волны, «как воры, лезли в окна» [14]. В центральной части Петербурга и в Кронштадте есть многочисленные мемориальные знаки-водомеры, посвященные этим наводнениям, на этих памятниках горизонтальными чертами показан уровень поднявшейся воды. Благодаря этому можно хотя бы отчасти «примерить на себя» страдания, которые перенесли петербуржцы предыдущих эпох, нашедшие выражение во многих городских легендах, страшных рассказах и мистификациях; например, находили связь между наводнениями 1777 и 1824 гг. и датами жизни и смертью Александра I: «...оно двенадцатью месяцами и двенадцатью днями предшествовало его кончине, а наводнение 10-го сентября 1777 г. – тремя месяцами и двумя днями его рождению» [7, с. 33]. Здесь же можно упомянуть уже указанную в начале статьи серию артефактов, связанную с экспонированием тел и их фрагментов со следами страданий, а также множество артефактов, созданных для причинения страданий человеку.

Следующая группа, частично связанная с артефактами, несущими на себе «шрамы войны», касается памятников, ставших жертвами актов вандализма. Трагической страницей отечественной истории стало уничтожение большевиками в 20–30-х гг. великого множества религиозных памятников. Также в это время пострадали и многие светские сакральные места – достаточно вспомнить про снос памятников русским царям, князьям и генералам, про снос Московских триумфальных ворот и памятника Славы в Ленинграде, про разрушение памятников на Бородинском поле (в том числе могилы генерала П. И. Багратиона), или про то, что на Братском кладбище г. Севастополя были разорены могилы солдат и офицеров, защищавших город во время Крымской войны 1854–55 гг. К сожалению, и в наши дни происходят случаи вандализма. Так, в 2018 г. в результате

поджога была полностью уничтожена Успенская церковь в городе Кондопоге, одна из наиболее значительных православных деревянных церквей.

Следующую группу представляют *артефакты, перенесшие символические страдания*. Ярким примером такого рода памятников является «наказание колоколов», распространенное на Руси и в Западной Европе. В частности, по приказу Бориса Годунова был наказан угличский колокол, возвестивший народ о гибели царевича Дмитрия – ему вырвали язык, отрубили ухо, прилюдно высекли и сослали в Тобольск. Еще несколько колоколов были сосланы в отдаленные сибирские монастыри другими «благочестивыми, но гневными царями». Екатерина II отняла язык у московского набатного колокола – якобы за то, что он созывал народ во время чумного бунта 1771 г. [15, с. 173, 174, 177]. Существовала также практика наказания икон, подобно языческим идолам [17, с. 114–116].

Достаточно значимую группу страдающих артефактов формируют *кражи*. Так, в новейшей истории Санкт-Петербурга многократно крали памятник Чижику-Пыжику, расположенный у Инженерного замка, что способствовало росту популярности этой городской достопримечательности. Неоднократно крали элементы ограды Александровской колонны на петербургской Дворцовой площади (двуглавых орлов, части решетки), что, помимо прочего, спровоцировало дискуссию о статусе площади и допустимости проведения на ней массовых развлекательных мероприятий.

Эффект страдания также могут вызвать *неорганические изменения формы и смысловой ауры памятников*, которые они претерпевают в ходе истории. Так, за последние годы в Санкт-Петербурге целый ряд исторических зданий был изуродован строительством мансард, например: здание на Миллионной ул., д. 4 авторства Трезини и Кваренги; дом Блейхмана на набережной Адмиралтейского канала, в создании которого участвовали А. Н. Бенуа и Ю. Ю. Бенуа; дом Клейман на Фурштатской ул. и др. При этом неорганические изменения порой провоцируют парадоксальную «притягательность» деформированного памятника. Достаточно указать на «термы Камерона» в Екатерининском парке Царскосельского ансамбля, включающие Холодную баню с Агатовыми комнатами и Висячий сад, а также Камеронову галерею и Пандус, работы по возведению которых велись в течение 1780–1788 гг. Их расположение непосредственно у Большого дворца, приведшее к частичному изменению его архитектуры, совершенно противоречило замыслу Растрелли, иска-

зило целостность барочного ансамбля: «При всех отдельно взятых художественных достоинствах отмеченные пристройки оказались нагромождены друг на друга, хотя имели бы несомненный эстетический эффект на соответствующем пространственном отдалении от дворца» [2, с. 77]. Показательно, что А. Н. Бенуа, описывая различные вмешательства Екатерины II в архитектуру Большого дворца, порой употребляет жесткие формулировки, например, в отношении перестройки парадной лестницы он пишет: «уничтожила великолепное сооружение» [1, с. 93]. Тем не менее в настоящее время указанный комплекс воспринимается как единое целое, гармоничное в своих разновременных напластованиях.

Приведем также пример изменения смысловой ауры зданий без их перестройки, то есть без существенного изменения их форм. В 1921 г. русский мыслитель-сменовеховец, бывший министр колчаковского правительства Н. В. Устрялов, размышляя о метаморфозах русской революции, писал: «Над Зимним дворцом <...> дерзко развеваются Красное знамя, а над Спасскими воротами, по-прежнему являющими собой глубочайшую исторически-национальную святость, древние куранты играют «Интернационал»?». И далее автор, отмечая странность происходящего и «боль для глаза и для уха», ссылаясь на то, что его многое «коробит», указывает, что в глубине его души невольно рождаются вопросы относительно того, красное ли знамя диссонирует с Зимним дворцом, – «... или, напротив, Зимний дворец красит собой Красное знамя? “Интернационал” ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлевским веянием влагают новый смысл в “Интернационал”?...» [18, с. 56]. Таких примеров изменения смысловой ауры памятников без коренного изменения их форм в нашей стране после 1917 г. было великое множество, и представители разных слоев общества в зависимости от своей политико-идеологической ориентации воспринимали подобные памятники как страдающие либо не испытывали к ним подобного чувства.

Известно много случаев *авторской порчи*, когда сами авторы уничтожают созданные ими артефакты. П. Сезанн уничтожил или повредил множество своих картин. В Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва) находится картина Сезанна «Цветы» – на которой заметны несколько царапин, которые, скорее всего, нанес обратным концом кисти сам автор, недовольный результатом [13]. Также уни-

чтожал свои картины К. Моне и т. д. Кроме того, принято считать, что Н. В. Гоголь сжег второй том «Мертвых душ» в результате психологического кризиса [6, с. 499-501].

Специфическим случаем авторской порчи можно назвать ситуацию, когда автор приговорил свое произведение к уничтожению, но приговор не был приведен в исполнение – например, душеприказчики не исполнили завещание. Такая судьба постигла сочинения Ф. Кафки и роман В. Набокова «Лаура и ее оригинал». В обоих случаях рукописи не понесли физического ущерба, однако то, что они были «приговорены» своими авторами, стало впоследствии широко известно, и данные обстоятельства стали существенной частью биографий этих произведений, создав вокруг них «страдальческий» ореол.

Помимо перечисленных, существуют и другие группы, которые можно выделить по принципу фиксации «страданий» артефактов. Обзор, представленный в настоящей статье, не претендует на исчерпанность и типологическую безупречность. В данном случае основной вывод заключается в том, что *«страдание» представляет собой одну из значимых форм психоэмоциональной и ценностно-смысловой актуализации артефактов в сознании человека*, наряду с их эстетическими, историческими, сакральными, религиозными, идеологическими и другими формами акцентуаций.

Многие страдающие артефакты могут быть отнесены сразу к нескольким группам. Так, московский Страстной монастырь пострадал от пожара в 1778 г. и от наполеоновского нашествия. В середине XIX в. он был существенно перестроен, была разрушена древняя колокольня, что было неоднозначно воспринято современниками. Вскоре после октябрьской революции Страстной монастырь был закрыт. Страстную площадь переименовали в Пушкинскую, рядом с монастырем было построено многоэтажное конструктивистское здание редакции газеты «Известия», что до неузнаваемости изменило облик площади. Святые ворота Страстного монастыря с надстроенной над ними церковью Алексея Человека Божьего перестали быть архитектурной доминантой площади. В помещениях монастыря открылся Центральный антирелигиозный музей Союза безбожников СССР. Колокольня недействующего монастыря использовалась как рекламно-информационная площадка, на которой размещали политические лозунги, киноафиши, рекламу лотерей и т. п. Страстной монастырь был свидетелем многих драматических событий – у его стен наполеонов-

ские захватчики расстреливали и вешали москвичей в 1812 г., возле монастыря шли уличные бои осенью 1917 г. Наконец, в 1937 г. монастырь был снесен и на долгие десятилетия предан забвению [16, с. 209-213]. Таким образом, этот артефакт может быть причислен по крайней мере к четырем группам страдающих памятников – «памятникам с неорганическим изменением формы и смысловой ауры», «преданным забвению», «травмированным в результате войн», «ставшим свидетелями страданий человека».

Другой пример артефакта, который может быть отнесен более чем к одной группе «страдающих» памятников, – кованая решетка Собственного (Разводного) сада Зимнего дворца (арх. Р.-Ф. Мельцер, 1896-1901 гг.), которая считалась одной из самых красивых оград дореволюционного Петербурга. Ограда была сильно повреждена в 1918 г. – из нее были выломаны двуглавые орлы и царские вензели, также были сбиты украшавшие ограду короны. Окончательно она была разобрана в 1920 г. во время Первомайского субботника. В 1925-26 гг. восемь сохранившихся звеньев ограды установили у Сада 9-го января на пр. Стачек – на низком постаменте (что было существенным нарушением авторского замысла), без орлов и золоченых деталей, зияющие дырами в картушах, где прежде были двуглавые орлы [3, 8]. В последние десятилетия XX в. решетка сильно обветшала, и только в начале XXI столетия ее восстановили в виде, близком к первоначальному. Данный артефакт в нынешнем своем виде может быть отнесен к трем группам «страдающих» памятников («перемещенные и отделенные от своего месторазвития», «разделенные и расчлененные артефакты», «памятники с неорганическим изменением форм и смысловой ауры»); ранее он также пребывал в состоянии «больного» и «преданного забвению» памятника.

Далее, отвечая на вопрос, касающийся выбора практик сохранения и реставрации «страдающих» артефактов, отметим, что их структура, как правило, носит сложный и «многослойный» характер. Такие памятники, предстающие как изменяющиеся историко-культурные целостности, слой за слоем впитывающие различные воздействия времени, требуют специальных теоретико-методологических подходов для работы с ними. К таковым подходам, разрабатываемым в области российской культурологии, относятся органистический, культурогенетический, архитектурно-гештальт-культурологический и некоторые другие [3]. Необходимо указать на то, что направ-

ленность большинства современных практик на сохранение памятников в их изначальном либо эталонном виде приводит к удалению максимального числа упомянутых выше следов или свидетельств страданий. В такой ситуации встает вопрос – *должен ли «шрам» истории быть залечен полностью, залечен частично или оставлен?* При этом получить исчерпывающий ответ на данный вопрос вряд ли удастся, поскольку каждый отдельный случай уникален и требует индивидуального подхода с учетом множества факторов.

И все же некоторые общие векторы и тенденции в решении данного вопроса зафиксировать можно. В первую очередь, необходима смена стратегий в восприятии памятников как носителей «эталонных слоев». Памятники со сложной «патиной времени» – это развивающиеся во времени и постоянно преобразующиеся целостности, где каждый слой может иметь свою ценность, проявляясь в едином аккорде всех слоев памятника и сохраняя свой неповторимый оттенок. И чем сложнее «патина», тем сложнее и богаче сам артефакт. Как следствие, сводить его историю к одному состоянию – значит отсечь все остальные, которые в определенной историко-культурной ситуации могут предстать как незначительные. Однако, как справедливо отмечает И. К. Москвина, нередко «судьба того или иного памятника решается на основе существующего опыта и преобладающей точки зрения, сложившейся подчас только в данном коллективе реставраторов. Зачастую выбор в качестве “пикового” состояния того или иного периода бытования памятника служит отправным пунктом для определения стратегии его реставрации, вне учета “ауры” динамики бытия культурного наследия во времени, множественности символических смыслов, связанных с различными культурными контекстами» [12, с. 321].

На частном уровне одним из условий возможного сохранения «шрамов» является их фрагментарность в масштабах памятника, общий вид которого они не портят. В данном случае один из маркеров – степень актуализации определенных событий и «страданий» в сознании современников, а также характер и степень распространения самих «шрамов». Кроме того, многослойность памятника, представленная зрителям соответствующим образом, вполне может усилить и «оживить» порой даже самый обыденный артефакт, сделав его более привлекательным и значимым в их глазах. Обогащение памятников через раскрытие их исторических преобразований, включая различные коллизии и страдания, вы-

павшие на их долю, – вполне перспективное направление, позволяющее выйти за пределы «однослойных» артефактов, «линейных» изданий и экскурсий, основанных на простых перечислениях памятников и дат.

В завершение укажем, что фактор негативных воздействий истории на памятники хоть и не выражен в экспертных критериях определения их ценности, но все же находит свое проявление в общей оценке материальных и ценностно-смысловых параметров подобных памятников. При всей субъективности данного вопроса и существующих противоречиях в сфере экспертизы культурных ценностей, которая носит преимущественно отраслевой характер и которая, по мнению многих исследователей, все еще находится в стадии становления [11, с. 138], анализ множества памятников, относящихся к разряду «страдающих», указывает на их явную популярность и востребованность у специалистов, коллекционеров и зрительской аудитории. Параметр «страдания» не является чем-то надуманным, хотя и затрагивает сферу человеческих чувств, не поддающихся «математическому» описанию и формализации в четких критериях. Влияние названного фактора во многих случаях дает о себе знать в деятельности экспертов, не ограничивающихся узкодисциплинарным взглядом на тот или иной памятник с позиций культуроведения, то есть исключительно искусствоведческой, исторической, археологической, фольклористической и т. п. интерпретациями ценности артефакта. Присутствие отмеченных факторов в биографиях многих памятников, в том числе памятников чрезвычайно значительных, являющихся жемчужинами культурного наследия России, может стать основой для их «усиления» и популяризации. В таком ракурсе следы многих страданий артефактов уместно сберегать как минимум на фрагментарном уровне, не стирая их полностью, как это принято во многих реставрационных практиках. Задача сохранения спектра историко-культурных состояний памятников во всей сложности и многообразии их проявлений позволяет полностью репрезентовать биографии данных памятников, избегая их однобоких интерпретаций в угоду времени, сопровождаемых конъюнктурными переделками их формы и смысловой ауры.

Библиографический список

1. Бенуа А. Царское Село в царствование императрицы Елисаветы Петровны. Материалы для истории искусства в России в XVIII в. по главнейшим архитектурным памятникам. Санкт-Петербург : Издание товарищества Р. Голике и А. Вильборг, 1910. [22], 262, [4], XLVI, 59 с.
2. Бондарев А. В. Дворцово-парковый ансамбль Царского Села как историко-культурный гештальт: морфогенез и архитектоника. Статья вторая / А. В. Бондарев, И. В. Леонов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 1 (87). С. 74-85.
3. Бондарев А. В. Теоретико-методологические подходы к изучению сложноорганизованных памятников культурного наследия / А. В. Бондарев, И. В. Леонов // Журнал интегративных исследований культуры. 2019. № 1. URL: <https://iik-journal.ru/index.php/main/issue/archive> (дата обращения: 01.12.2019).
4. Военная энциклопедия: Т. 3 // Военная энциклопедия: Т. 1-18 / под ред. В. Ф. Новицкого и др. Санкт-Петербург; Петроград : Товарищество И. Сытина, 1911-1915.
5. Глезеров С. Е. Майданек: помнить вечно // Санкт-Петербургские ведомости. 2019. № 140 (6493). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/maydanek-pomnit-vechno-o-natsistskom-lagere-smerti-rasskazhuta-vystavke-v-peterburge> (дата обращения: 12.01.2020).
6. Золотусский И. П. Гоголь / И. П. Золотусский. Москва : Молодая гвардия, 1979. 511 с.
7. Каратыгин П. П. Летопись петербургских наводнений 1703-1879 гг.. Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1888. 87 с.
8. Конивец А. В. Первое мая 1920 года. Как снесли решетку у Зимнего дворца // История Петербурга. 2009. № 1 (47). С. 22-24.
9. Кононенко Е. Собственный сад / Е. Кононенко // Адреса Петербурга. 2005. № 20. С. 74-76.
10. Лобин А. Н. Новые данные об орудиях «чоховской школы» конца XVI – начала XVII века // Война и оружие: Новые исследования и материалы / Труды Пятой Международной научно-практической конференции 14-16 мая 2014 г. Ч. III. Санкт-Петербург : ВИМАИВиВС, 2014. С. 55-69.
11. Москвина И. К. Достоверность экспертных мнений как проблема анализа дискуссионных явлений в сфере культуры // Культура и цивилизация. 2018. Том 8, № 5 А. С. 133-141.
12. Москвина И. К. Современные концепции реставрации в культурологическом дискурсе // Культура и цивилизация. 2016. Том 6. № 5 А. С. 317-324.
13. Петухов А. В. Поль Сезанн. Цветы. URL: http://www.newestmuseum.ru/data/authors/s/cezanne_paul/flowers.php (дата обращения: 12.01.2020).
14. Пушкин А. С. Медный всадник // Избранные произведения. Ленинград : Ленигиздат, 1973. С. 243-256.
15. Пыляев М. И. Исторические колокола // Исторический вестник. 1890. Т. 42. № 10. С. 169-204.
16. Паламарчук П. Г. Сорок сороков: краткая иллюстрированная история всех московских храмов : в 4

т. Москва : Книга и бизнес, 1992-1995. – Т. 1: Кремль и монастыри. 1992. 415 с.

17. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Москва : Издательство МГУ, 1982. 248 с.

18. Устрялов Н. В. Patriotica // Смена вех. 2-е изд. Прага : Типография Отто Эльснера, 1922. С. 52-71.

19. Чеботарев А. В. Имя мастера на оружейных стволах как прообраз товарного знака в России XVI – XVII вв. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 1 (29). С. 121-123.

20. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Москва : Мысль, 1998. 663 с.

Referense list

1. Benua A. Carskoe Selo v carstvovanie imperatricy Elisavety Petrovny. Materialy dlja istorii iskusstva v Rossii v XVIII veke po glavnejshim arhitekturnym pamjatnikam = Tsarskoye Selo during the reign of Empress Elisaveta Petrovna. Materials for the art history in Russia in the XVIII century on the most important architectural monuments. Sankt-Peterburg : Izdanie tovarishhestva R. Golike i A. Vil'borg, 1910. [22], 262, [4], XLVI, 59 s.

2. Bondarev A. V. Dvorcovo-parkovyj ansambl' Carskogo Sela kak istoriko-kul'turnyj geshtal't: morfogenez i arhitektonika. Stat'ja vtoraja = Tsarskoye Selo palace and park ensemble as historical and cultural geshtalt: morphogenesis and architects. The second article / A. V. Bondarev, I. V. Leonov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2019. № 1 (87). S. 74-85.

3. Bondarev A. V. Teoretiko-metodologicheskie podhody k izucheniju slozhnoorganizovannyh pamjatnikov kul'turnogo nasledija = Theoretical and methodological approaches to the study of complex organized monuments of cultural heritage / A. V. Bondarev, I. V. Leonov // Zhurnal integrativnyh issledovanij kul'tury. 2019. № 1. URL: <https://iik-journal.ru/index.php/main/issue/archive> (data obrashhenija: 01.12.2019).

4. Voennaja jenciklopedija = Military encyclopedia T. 3 / Voennaja jenciklopedija: T. 1-18 / pod red. V. F. Novickogo i dr. Sankt-Peterburg; Petrograd : Tovarishhestvo I. Sytina, 1911-1915.

5. Glezerov S. E. Majdanek: pomnit' vечно = Maydanek: to remember forever // Sankt-Peterburgskie vedomosti. 2019. № 140 (6493). URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/majdanek-pomnit-vechno-o-natsistskom-lagere-smerti-rasskazhut-na-vystavke-v-peterburge> (data obrashhenija: 12.01.2020).

6. Zolotusskij I. P. Gogol' = Gogol. Moskva : Molodaja gvardija, 1979. 511 s.

7. Karatygin P. P. Letopis' peterburgskih navodnenij 1703-1879 gg. = Chronicle on St. Petersburg floods 1703-1879. Sankt-Peterburg : Tipografija A. S. Suvorina, 1888. 87 s.

8. Konivec A. V. Pervoe maja 1920 goda. Kak snesli reshetku u Zimnego dvorca = May 1, 1920. How the railing at the Winter Palace was demolished // Istorija Peterburga. 2009. № 1 (47). S. 22-24.

9. Kononenko E. Sobstvennyj sad = Own garden // Adresa Peterburga. 2005. № 20. S. 74-76.

10. Lobin A. N. Novye dannye ob orudijah «chokhovskoj shkoly» konca XVI – nachala XVII veka = New data on the tools of «Chokhov School» in late XVI and early XVII centuries // Vojna i oruzhie: Novye issledovanija i materialy: trudy Pjatoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 14-16 maja 2014 g. Ch. III. Sankt-Peterburg : VIMAIViVS, 2014. S. 55-69.

11. Moskvina I. K. Dostovernost' jekspertnyh mnenij kak problema analiza diskussionnyh javlenij v sfere kul'tury = Credibility of expert opinions as a problem of analysis of discussion phenomena in the sphere of culture // Kul'tura i civilizacija. 2018. Tom 8. № 5 A. S. 133-141.

12. Moskvina I. K. Sovremennye koncepcii restavracii v kul'turologicheskom diskurse = Modern concepts of restoration in cultural discourse // Kul'tura i civilizacija. 2016. Tom 6. № 5 A. S. 317-324.

13. Petuhov A. V. Pol' Sezann. Cvety = Paul Cezanne. Flowers. URL: http://www.newestmuseum.ru/data/authors/s/cezanne_paul/flowers.php (data obrashhenija: 12.01.2020).

14. Pushkin A. S. Mednyj vsadnik = The Bronze Horseman // Izbrannye proizvedenija. Leningrad : Leninzdat, 1973. S. 243-256.

15. Pyljaev M. I. Istoricheskie kolokola = Historical bells // Istoricheskij vestnik. 1890. T. 42. № 10. S. 169-204.

16. Palamarchuk P. G. Sorok sorokov: kratkaja illjustrirovannaja istorija vseh moskovskih hramov = A large number: a brief illustrated history of all Moscow temples : v 4 t. Moskva : Kniga i biznes, 1992-1995. T. 1: Kreml' i monastyri. 1992. 415 s.

17. Uspenskij B. A. Filologicheskie razyskanija v oblasti slavjanskih drevnostej = Philological searches in the field of Slavic antiquities. Moskva : Izd-vo MGU, 1982. 248 s.

18. Ustrjalov N. V. Patriotica // Smena vech. 2 e izd. Praga : Tipografija Otto Jel'snera, 1922. S. 52-71.

19. Chebotarev A. V. Imja мастера na orudijnyh stvolah kak proobraz tovarnogo znaka v Rossii XVI-XVII vv. = The name of the master on gun barrels as a trademark in Russia of the XVI-XVII c. // Vestnik Cheljabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. 2012. № 1 (29). S. 121-123.

20. Shpengler O. Zakat Evropy. Oчерки морфологии mirovoj istorii = The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history. T. 1. Moskva : Mysl', 1998. 663 s.